

Валентина Мусий

ОСИП СЕНКОВСКИЙ (БАРОН БРАМБЕУС) – ПИСАТЕЛЬ, КРИТИК, ИЗДАТЕЛЬ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ» – О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

Шекспировский Гамлет, столкнувшись с тем, что выходит за пределы умопостигаемого, вынужден был признать, что в свете есть много такого, что даже «не снилось» мудрым философам. Но не меньше загадочного таится и в самом человеке. В первую очередь – его психике. Предметом данной статьи является бессознательное в человеке. Его проявлениям до сих пор дается зачастую самое противоречивое, в том числе и отсылающее к сверхъестественному, объяснение. А как оно оценивалось в начале XIX века, в эпоху смены парадигм мышления, формирования принципиально нового взгляда на человека? Постараемся ответить на этот вопрос, обратившись к сочинениям Осипа (Юлиана) Ивановича Сенковского, писателя, издателя и редактора «Библиотеки для чтения», критика. «Ученый-востоковед с европейской известностью, знаток древних языков, блистательный журналист, он был одной из самых противоречивых личностей эпохи» [7, 458]. Объясняя эту противоречивость, Юрий Медведев пишет, что тот, издавая «Библиотеку для чтения», «помещал в ней рядом с творениями Пушкина, Жуковского, Вяземского ничтожные писания «корифеев вульгарного романтизма». При этом главным критерием отбора материала для публикации была степень его востребованности, пригодности «для продажи». «Пишите весело, – приводит Ю. Медведев слова «барона» – давайте только то, что общественный желудок переваривает» [7, 458]. Неоднократное обращение к решению проблемы бессознательного на страницах «Библиотеки для чтения» свидетельствует об интересе «общественного желудка» к его различным проявлениям. А серьезность подхода О. Сенковского к осмыслению сна, ясновидения, гипноза, даже если это касается

сатирических произведений Брамбеуса, подтверждает, что они интересовали его не только как источник развлечения публики, но, в первую очередь, как путь к постижению тайны природы душевной жизни человека.

В настоящее время учеными-психологами бессознательное определяется как «совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности, во влиянии которых субъект не отдает себе отчета» [6, 31]. Бессознательное отличается от сознания и, соответственно, самосознания, так как находящийся в его власти человек не делает свои поступки предметом анализа, отражаемая им при этом действительность сливается не с мыслью, а с переживанием. Этот момент подчеркивается в определении бессознательного: «форма психического отражения, в которой образ действительности и отношение к нему субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, составляя нерасчлененное целое» [6, 31]. Ученые отмечают, что сфера бессознательного значительно шире области сознания, а инстинктивно-бессознательные процессы играют весьма активную роль в человеческой психике и часто даже преобладают над мыслительно-рациональными [2]. К бессознательному традиционно относят «инстинкты, различного рода автоматизмы, подавленные желания, нереализованные влечения, интуиции и прочее [1, 314]. Несмотря на многообразие и многосторонность проявлений бессознательного, оно целостно, что позволяет выявить ряд специфических характеристик во всех его проявлениях. Один из ведущих его признаков связан с особенностью механизма отражения, присущего бессознательному: явления воспроизводятся им в синкретично-символической форме. В связи с этим при анализе бессознательного следует вести речь о проявлении следующих закономерностей: сгущение, преакцентировка, преобразование понятий в символические образы. Деятельность бессознательного порождает разнообразные душевные качества (ясновидение, интуицию, остроумие) и состояния (вдохновение, сновидение, гипноз, галлюцинации, опьянение, слабоумие, безумие). Усиление интереса к этой стороне психики в рассматриваемую нами эпоху было обусловлено формированием внимания ко всему, что связано с индивидуальным в человеке. Возникло стремление объяснить сложность его внутренней жизни, выявить в нем глубинное, что не поддавалось ни

механической, ни физиологической, ни социальной мотивировке. Так, например, Г. В. Ф. Гегель предложил при определении сути ясновидения, внушения, привычек и в решении вопроса о том, как происходит взаимодействие между телом, сознанием, бессознательным и духом, оперировать понятием «чувствующая душа». Продолжая идеи Г. В. Лейбница о наличии в душе человека отчужденного знания, смутного знания и неосознаваемых восприятий, И. Ф. Герbart создал теорию статике и динамики представлений. Ее целью было объяснить, как представления из области бессознательного переходят в сознание. Особенно популярными в это время были опыты Франца Антона Месмера (1733-1815), применившего на практике свое предположение о «животном магнетизме» как связующем звене между планетами, землей и одушевленными телами. Веря в то, что из его тела исходит магнетизм, он пытался воздействовать на своих пациентов с помощью внушения. Это не всегда завершалось для них благополучно, а поэтому правительственные комиссии, призванные оценить теорию Месмера и оправданность его способа лечения, пришли к негативному заключению. Доверие к ученому было подорвано. Однако, подчеркивает Альфред Леманн, завершая свои размышления об этой незаурядной личности, «теория «животного магнетизма» еще долго держалась рядом с возникающим и развивающимся научным объяснением гипнотических явлений». «Даже на первом конгрессе для разработки экспериментальной психологии, бывшем в Париже в 1889 году, – добавляет д-р Леманн, – после долгих прений, в которых принимали участие все выдающиеся деятели в области гипнотизма, было признано, что нет возможности установить, чем существенно отличаются явления гипноза от состояния, вызванного магнетическими пассажами» [5, 365].

Обсуждение проявлений бессознательного настолько увлекло общество, что в него включилась и издаваемая О. Сенковским «Библиотека для чтения». В тринадцатом томе за 1835 год была опубликована статья о призраках и видениях. Ее автор не был назван, приводилось лишь указание на источник: «Изо Pеппу Cyclopaedia». В статье содержится попытка с рационалистических позиций охарактеризовать ощущения как результат деятельности мозга. «Предмет, – указывается в ней – поражая орган внешнего чувства, производит потрясение в нервах органа. Это потрясение переходит путем

нерва в мозг; соответственное тому потрясение совершается в мозге и передается душе, и это потрясение души мы выражаем словом „ощущение“» [9, 93]. Интеллектуальной деятельности было дано близкое объяснение. «Идеи, – писал автор статьи, – суть только копии ощущений: это возобновления прежних ощущений, отличающиеся от настоящих и современных меньше степенью напряжения» [9, 93]. К «отправлениям» мозга были отнесены «ощущения», «мыслетворение» и результат их взаимодействия и противодействия – «мышление». Автор данной статьи соединяет рационализм с идеализмом. Чтобы объяснить, каким образом осуществляется процесс мышления, он обратился к одному из проявлений души – «мыслесцеплению». Именно душа, по его мнению, является местом, где происходит сближение и соединение воспринятых ощущений и «сделанных по ним идей» [9, 94]. Из всего этого следовал вывод о том, что благополучное душевное и интеллектуальное состояние человека и в состоянии бодрствования, и в течение ночного отдыха возможно, если «способность мыслесцепления» «не расстроена», а также, если его мозг «находится в здоровом состоянии». Далее автор статьи перечислил факторы, которые могут вызвать представление о появлении призраков, различные видения. Одним из них является «обращение крови в мозговых сосудах». В качестве доказательства приводится случай из лечебной практики. Одним жителем Берлина преследовали видения сначала двух, а потом и целой «толпы» призраков. После того, как ему сделали кровопускание, видения исчезли [9, 105]. Вторая причина явления привидений – некоторые «состояния тела», «душевные чувствования», которые могут быть усилены оптическими обманам. Вот как объясняется природа призрака, явившегося одному путешественнику по Шотландии: «Лунные лучи, проходя через выломанное окно, образовали длинную струю света, а воображение, разгоряченное вечерним рассказом и ночным сновидением, с жестокою верностью придало этой струе все подобия мертвого тела, приготовленного к погребению» [9, 106]. Учитывая, что одни и те же причины могут вызывать в разных людях различные душевные состояния, автор статьи в качестве еще одного фактора веры в реальность явления призраков называет «состояние телосложения» и особенности воображения. На основании этого он дает рационалистическое объяснение случаю с девушкой, умершей после того, как ей, якобы, явился призрак матери, сообщивший, что в полдень им

суждено соединиться в раю. Он пишет: «В этом примере мы видим, что мечта произвела на нежное и восприимчивое воображение столь сильное впечатление, что оно пресекло самую жизнь» [9, 109]. Индивидуальный характер наклонностей человека, его физических качеств и особенностей воображения объясняет и свойства их видений. «Умному человеку» и «философу» Николаю, пишет автор статьи, «являлись только мужчины, женщины и животные в их естественных образах». Суеверные же люди, как правило, видят «чудовищ и чертей в самых фантастических формах» [9, 108]. Наконец, последним среди факторов, которые могут вызвать разнообразие видения и веру в них, автор статьи в «Библиотеке для чтения» называет действие физических болезней. Они могут оказывать такое усиление напряжения ощущений и идей, что призраки начинают слышаться в буреях, принимают «грозный вид в грезах преступника», радуют «ангельскою улыбкою в сновидениях невинного» [9, 111].

Открытия в области физиологии нервной деятельности, исследования психического, обсуждение на страницах журналов многочисленных примеров ясновидения и воплощения образов сновидений в реальности дали импульс развитию художественного познания бессознательного. Зачастую ясновидению, интуиции, гипнозу, безумию, вдохновению придавалось мифологическое значение. Между мифологическим и бессознательным и в самом деле возможна связь. Бессознательному присущ синкретично-символический характер воспроезведения явлений. Но и мифологическое мышление синкретично и пользуется символами. Сошлемся на наблюдения К. Г. Юнга. Ученый-психолог, изучая состояние страстного томления (либидо), подробно остановился на анализе сна как формы бессознательного, которая «представляет собой ряд образов, по-видимому, противоречивых и бессмысленных, но проистекающих, однако, из такого психологического материала, из которого раскрывается ясный их смысл» [11, 23]. Сновидение, по его мнению, и представляет собой нечто подобное мифологическому мышлению. «Без всякой заботы о реальных отношениях вещей между собой вносится в сновидение самое разнороднейшее, и мир невозможностей заступает место действительности», – отметил К. Г. Юнг. И далее указал на связь бессознательного и архаического: «Мышление во сне течет ... назад к сырым материалам воспоминаний. Оживление первоначальных восприятий есть лишь одна сторона регрессии. Другая сторона есть

регрессия к материалу детских воспоминаний». Он определил сны как «фрагменты преодоленных переживаний детской души». Поскольку же «жизнь детской души обнаруживает в себе архаический тип», он сделал вывод, что сновидениям «присуща эта черта в особенной мере» [11, 36].

В этой работе К. Г. Юнга было дано психологическое объяснение и особенностей художественного мышления. Ученый выделил две формы мышления: определенно направленное и мечтание (фантазирование). Первое «работает в целях общения при помощи элементов речи и является трудным и изнурительным, последнее, напротив, работает без труда, спонтанно, – воспоминаниями. Первое творит новые приобретения, создает приспособления, подражает действительности и стремится на нее воздействовать. Последнее, напротив, отвращается от действительности, высвобождает субъективные желания и оказывается совершенно непродуктивным, когда дело идет о его приспособлении» [11, 33]. Вторая форма мышления была определена К. Г. Юнгом как «фантастическая». Большая часть ее содержания «относима к области сознательной», но не меньшее значение имеет и другая ее часть, связанная с деятельностью воображения. Она «протекает в неопределенной полутени, а многое – уже в бессознательном, и потому такие содержания не могут быть разгаданы непосредственно». «Через фантастическое мышление, – приводит к выводу психолог, – идет соединение определенно-направленного мышления с древнейшими основами человеческого духа, находящимися уже давно под порогом сознания». Романтики проявляли особенный интерес к таким продуктам этой разновидности мышления, названной К. Г. Юнгом «фантастической», как сны наяву, мечты, фантазии. Да и сновидения не только открывали связь с мифологическим, архаическим, эпохой детства человечества, но и помогали сознанию открыть загадки, проникнуть за внешнюю сторону явлений. Это касается даже тех случаев, когда о сне рассуждал такой грубый эмпирик, с точки зрения Н. А. Полевого, как Осип Сенковский, Барон Брамбеус. По словам Н. А. Полевого, это был человек, который «не верует ни в какие теории, не допускает никаких правил в искусстве, не знает умозрения, видит в науке сбор опытов, который изменяется после каждого нового открытия», что «ум человеческий белка, бегающая непрерывно по колесу, а в утешение за непрерывную беготню белки дан ей орешек, и этот орешек – шутка» [8, 331]. Нельзя исключить, что

подобная оценка была вызвана тем, что гротеск, который был одним из наиболее важных для романтиков элементов поэзии, в сочинениях Барона Брамбеуса имел сатирический характер. Это, однако, не исключает серьезности подхода писателя к осмыслению действительности, в том числе и явлений психической жизни.

В тринадцатом томе «Библиотеки для чтения» О. Сенковский помещает «Записки домового», снабдив их подзаголовком, что это «рукопись без начала и без конца, найденная за голландскою печью во время перестройки». Начало «рукописи» – воссоздание динамики отношения умирающего к смерти. Он переходит от ужаса к умиротворению, его тело и душа постепенно цепаются. А потом, уже превратившись в мертвеца, он беседует с домовым и явившимся внезапно через трубу приятелем домового чертом Бубантесом. В их рассуждениях о жизни, смерти, сне, любви соединяются идеализм и рационализм. Приводится рациональное, с использованием «научной» терминологии определение жизни как «таинственной гидростатики многочисленных жидкостей, текучих и летучих» [4, 74]. И тут же признается наличие души. Оказывается, что страх смерти находится не в душе, а в физической части человека. Пока верх одерживают материальные силы, страх силен. С угасанием тела человеку все более доступными становятся душевные чувства, и он легко соглашается со смертью. В соответствии с этим сон определяется как «теплая» смерть, а смерть как «сон холодный» [4, 74]. Что же касается сновидений – то это «обман тела» [4, 79]. Подробное обоснование их природы приводит черт. «Но сновидения, сударь мой, – говорит он, обращаясь к мертвецу, – происходят только в полубдении, во время дремоты, а не совершенного сна, в моменты засыпания и пробуждения». Сновидения, по его мнению, обусловлены тем, что думал человек днем, это «умственные отправления». И далее он продолжает: «...как только человек погружается в сон полный и ровный, все умственные отправления прекращаются совершенно; дух его находится в настоящем оцепенении; он ничего не чувствует, не мыслит и не помнит; он мертв кругом, умер, и живет только относительно к неутраченной еще возможности прийти опять в полную духовно-вещественную жизнь» [4, 88]. Явления душевной жизни взаимосвязаны с космическими процессами. «Этот периодический возврат жизни и смерти, – говорит Бубантес, – соответствует периодическому появлению и исчезанию солнца на

горизонте». Свое наблюдение черт подтверждает тем, что «мысль, разум» также, «когда нет насилия природы, прекращаются как скоро оно заходит» [4, 88]. Ясно, что это высказывание не автора, а его персонажа, да еще к тому же и мифологического – черта. Но, во-первых, этот черт образованный: Сатана доверил ему править журналы. На этот раз он явился к своему приятелю домовому после того, как целый вечер вместе с литераторами безуспешно поднимал «упавшую репутацию» [4, 82]. А, во-вторых, им высказано представление о сне как о временном, или же окончательном прекращении жизни, которое и в самом деле было свойственно романтикам. Вспомним хотя бы выраженное М. Ю. Лермонтовым противопоставление сна смерти. «Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы...». В данном случае идет речь о сохранении способности духовной жизни, гармонии с природой, которые противопоставляются отсутствию всякой жизни, и душевной, и физической. Так и О. Сенковский выражает в художественной форме свой интерес к тому, чем же является сон.

Один из разрядов сна в начале XIX века определялся как магнетический. В настоящее время те явления, которые подразумевались под этим понятием, связываются с действием гипноза. К размышлениям о природе магнетического Осип Сенковский обращается в связи с романом Н. Греча «Черная женщина» (1834). Из посвящения Василию Аполлоновичу Ушакову следует, что основу этого романа составил «невывымышленный рассказ» о человеке, напуганном в детстве страшным видением. В дальнейшем оно сделалось его «неразлучным спутником», и освободиться от него он смог лишь после того, как видение «повторилось перед глазами мечтателя в действительности» [3, 7]. Герой романа Н. Греча, князь Алексей Кемский, становится «мечтателем наяву» [3, 62], «философом» [3, 38], духовидцем после того, как в детстве стал свидетелем драматических событий. На его глазах из окна дома выбросили тело умершего от чумы. В тот момент, когда повозка с телами мертвых двинулась дальше, женщина в «черном платье, с распущенными по плечам черными волосами, покрытая смертною бледностью», «с диким, пронзительным воплем» «кинулась из окна» [3, 31]. Вероятно, она не могла сдержать горечи потери близкого человека. Это произвело на Кемского такое сильное впечатление, что впоследствии женщина

в черном часто являлась ему не только во сне, но и наяву. Его видениям есть простое объяснение – психическая травма, испуг. Поэтому в самые ответственные моменты жизни, в моменты душевного напряжения, он невольно возвращался к пережитому страху и видел перед собой женское лицо, в котором выразились «тоска и отчаяние». Однако в конечном итоге оказывается, что явление черной женщины было не только следствием детского потрясения. Рассуждая о разнообразных проявлениях бессознательного – видениях, сновидениях, магнетизме, созвучии душ – персонажи «Черной женщины» стараются понять его природу.

Наиболее полно авторское понимание этих явлений выражает в романе Алимари. Сновидения он именует миром «поэзии и чар». Для него это «состояния души, в которых она действует не внешними органами». Таким образом, идет речь о том, что сон – произведение души человека. Сны Алимари подразделяет на естественные и магнетические, то есть, говоря современным языком, гипноз. В начале XIX века он чаще всего объяснялся проявлением «животного магнетизма» в соответствии с идеями Франца Месмера. Кемскому суждено было стать свидетелем проявления «магнетизма». Когда Алимари сообщают о страданиях женщины, которая плыла на одном с ними корабле, он решает воздействовать на нее с помощью «магнетических» сил. Он «подошел к ней, вперил свои взоры в закрытые глаза ее – она вздрогнула, и вскоре потом улыбка пролетела по ее устам». Затем Алимари «наклонился к ней, разогнул ее руки, опустил их вдоль тела и начал водить своими руками по лицу ее, потом, расширяя мало-помалу круги, делаемые руками, опускал их к предсердию. Страдалица поутихла...» [3, 209]. То, что происходит затем, убеждает Кемского в непосредственной связи магнетизма и ясновидения. Алимари предлагает ему подойти к лежащей в забытьи женщине. «Не отнимая левой руки от предсердия больной, он правую взял за руку князя». И находящаяся в «магнетическом» состоянии угадывает не только душевное состояние Кемского, но и говорит о видимой ею женщине «в черной мантии», с которой суждено ему встретиться, о младенце, который утешает молящуюся. Так приоткрывается будущее Кемского после встречи с Наташей и их дочерью.

Не случайно статья О. Сенковского об этом романе Н. Греча была названа «Черная женщина и животный магнетизм...». Определив задачу автора («употребить магнетические чудеса в виде пружины» действия

как в литературном отношении «чрезвычайно оригинальную» и выполненную с «большим искусством», он не смог согласиться с истинностью идеи, выраженной в романе, в научном отношении. Животный магнетизм О. Сенковский отнес к «одной из самых сомнительных отраслей положительного знания, еще не очистившейся от заслуженного упрека в шарлатанстве» [10, 85]. Еще более серьезное возражение вызвало у О. Сенковского стремление Н. Греча «употреблять животный магнетизм во всем его пространстве в подкрепление предложенной истины преобладания в мире духовного начала, поскольку «теория этого магнетизма в конечном своем итоге низводит душу человеческую на степень вещественного деятеля» [10, 85]. В связи с особенным интересом, который вызывала в обществе решаемая в романе проблема связи психического и «магнетического», О. Сенковский посчитал необходимым обосновать свое, «естественное», как он выразился, толкование этих явлений. Начал он с разделения понятий «животная душа человека» и «духовная душа». «Летучую жидкость», для которой возможны самые различные названия («животное электричество», «животный магнетизм», «высокий нервный сок»), он определил как «эфирное вещество, добываемое нервами из грубого вещества яств, превращенных в кровь». Оно присутствует не только в человеке, но и в телах животных, в ископаемых – разлито во всей природе. Множество «умственных отравлений» должно быть связано именно с этой, «вещественной», «животной» душой. Но отражением в человеке «великой мысли миров», то есть той «таинственной душой, которая ускользает от всех наблюдений и опытов», и которая, по всей вероятности, и позволяет человеку проявлять ясновидение, является «духовная душа» [10, 96-98]. Из этого следует, что, по мнению О. Сенковского, «чудесные» явления животного магнетизма никак не могут быть связаны с деятельностью «духовной, настоящей души человека» [10, 97].

На наш взгляд, принципиального различия в объяснении природы бессознательного Н. Гречем и О. Сенковским не было. Возражения автору «Черной женщины» касались различия в определении степени взаимосвязанности результатов деятельности нервной системы и духа. Но подробность изложения О. Сенковским своих взглядов на «животный магнетизм», выделение этого в значительной степени загадочного

психического явления в качестве ведущего для оценки романа Н. Греча «Черная женщина», а также неоднократность обращения к явлениям психической жизни на страницах «Библиотеки для чтения» свидетельствуют о серьезности интереса писателя, издателя и критика к проблеме бессознательного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: Энциклопедический словарь. – М., 1999.
2. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. – СПб., 2000.
3. Греч Н. Черная женщина // Три старинных романа: В 2 кн. – М., 1990. – Кн. 2. – С. 8-318.
4. Записки домового. Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печью во время перестройки. Статья первая. Барона Брамбеуса // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. 13. – Раздел: Русская словесность. – С. 71-120.
5. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. От древности до наших дней / Сост. д-р Леманн. – К., 1991.
6. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко. – М., 1985.
7. Медведев Ю. М. Там лес и дол видений полны ... // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. – М., 1989. – С. 453-467.
8. Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825-1842. – Л., 1990.
9. Призраки и видения. Изю Penny Cyclopaedia // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. 13. – Отдел: Науки и Художества. – С. 93-111.
10. Сенковский О. Черная женщина и животный магнетизм. По поводу романа Черная Женщина, Н. Греча. 1834 // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 83-108.
11. Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. – СПб., 1994.